

Встреченные в погребениях № 59 и 83 подошвы сапог с тисненными знаками позволяют пересмотреть взгляд на традицию клеймения обуви русскими мастерами в сторону ее удревнения. Ранее считалось, что клейма на обуви в русских городах появились в первой половине XVII в. Находки в Кемии позволяют пересмотреть вопрос о месте и времени первого клеймения обуви русскими мастерами. Возможно, во второй половине XVI в. это стали делать первыми сапожники в Новгороде.

Библиографический список

- Андрианова Л. С., Фёдоров А. С. Кожаная обувь из раскопок на Кремлевской площади в Вологде // Археология Севера. Череповец, 2012. Вып. 4. С. 82–91.
- Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Собрание сочинений: в 9 т. М., 1990. Т. 8. С. 5–30.
- Курбатов А. В. Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России // Археологические вести. М., 2007. № 14. С. 157–165.
- Курбатов А. В. Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // Археологические вести. СПб, 2012. № 18. С. 162–173.
- Курбатов А. В. Обувная мода в средневековой Руси // Тверской археологический сборник. Тверь, 2015. Вып. 10, т. 2. С. 467–495.

A. V. KURBATOV

THE POMORS' FOOTWEAR FROM THE KEMSKY GRAVEYARD (BASED ON THE MATERIALS OF THE 2017 EXCAVATIONS)

In recent years, there was an intensification of the archaeological study of the Middle Age sites of the Russian North. In many cases, they were based on the results of the archive research and excavations by O. V. Ovsyannikov. The 2017 salvage excavations of the Kemsky graveyard may also be referred to that category. The subject of the paper is the study of leather footwear from the Kemsky graveyard salvage excavation of 2017. Footwear was found in 28 interments, 6 more elements were represented by surface finds. Several types of footwear were identified, including porshni, high and low boots, and funeral slippers. The footwear from the Kemsky graveyard interments definitely matched the 16th century types, and the comparison of those finds with the written sources allowed narrowing down the time of the burials as the second half of the 16th or the beginning of the 17th century with greater confidence. All items were produced by the Pomor population of the Russian North.

Alexander V. Kurbatov – Doctor of Historical Sciences, Institute of the History of Material Culture of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: alkurba@rambler.ru

E. A. КУРЛАЕВ

«СЕРЕБРО ЗАКАМСКОЕ» И ЛЕТОПИСНАЯ ЮГРА

В отечественной литературе отсутствует упоминание о промышленных разработках месторождений серебра на Урале вплоть до настоящего времени. Отношение у современных историков к «серебру закамскому» было однозначным. В их понимании это была серебряная посуда восточного производства, так как такие изделия регулярно находили на территории Урала и Сибири. По нашему мнению, в древности и средневековье на Северном Урале в районе Североуральска, в том числе югрой, эксплуатировалось месторождение серебристой меди, известное как «серебро закамское». Оно было предметом войн и раздоров, но к началу русской колонизации истощилось, и было заброшено. В XVIII в. содержание серебра в медной руде признали невыгодным для извлечения, тем не менее, было доказано наличие серебра в медной руде.

Курлаев Евгений Анатольевич – к.и.н., Институт истории и археологии УРО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: kurlaev@e1.ru

В отечественной специальной литературе отсутствует упоминание о промышленных разработках месторождений серебра на Урале вплоть до настоящего времени. Вместе с тем источником получения золота и серебра могут быть руды цветных металлов. Поиски золота и особенно серебра на Урале и прилегающих территориях велись столетиями, практически с первых упоминаний о Каменном Поясе в русских летописных источниках. Русские воеводы требовали у местного народа югры пушнину, «узорочье и серебро закамское». В 1193 г., когда новгородская рать подступила к стенам югорского городка, защитники предложили новгородцам откуп: «копим сребро, и соболи и ина узорочья, а не губите своих смерд и своей дани» [Новгородская первая летопись... 1950, с. 40]. По нашему мнению, в это время югра еще не перебралась в низовья р. Оби, а находилась в районе устья р. Вычегды. Пушнина и серебряные рудники были основными источниками дохода этого летописного народа. В других документах упоминается спор из-за серебра между Москвой и Новгородом. Так, в летописи 1332 г. есть относящаяся к московскому князю Ивану I Даниловичу Калите запись, в которой говорится: «Великий князе Иван приде из Орды и возверже гнев на Новгород, прося у них серебро закамское».

Отношение у современных историков к «серебру закамскому» было однозначным. В их понимании это была серебряная посуда восточного производства, т. к. такие изделия регулярно находили на территории Урала и Сибири. «Известно, что своих серебряных разработок на Урале не было. Безусловно, что «серебро закамское» — это те запасы, прежде всего, древнеиранской посуды и монет, которые на протяжении многих столетий копились на святилищах уральских народов» [Пономарев, Турова 2006, с. 11, 12]. Мы же считаем, что речь в летописях шла о месторождениях серебряной руды.

Народ югра упоминается в русских летописях, начиная с XI в., как данник и упорный противник Новгорода и Москвы. Споры и предположения об истории этого народа возникли еще в XV в. Проблематика югры в дореволюционной историографии обобщена в работах А. А. Дмитриева и М. П. Алексеева. Историки связывали этот летописный народ с предками вогулов (манси) и остяков (ханты), как порознь с каждым, так и вместе. Из летописей известно, что в XI в. югра находилась в Приуралье, а югричи сами с трудом добиралась до гор. В 1364 г. по походам русских, мы узнаем, что югра находится на Оби. Первые же раскопки городищ Перегребное-1 и Шеркалы-1, в месте обитания югры — в Нижнем Приобье, дали материалы XII–XIV вв., характерные для вымской и родановской археологических культур Прикамья. По нашему мнению, материалы с вышеупомянутых городищ и принадлежат летописной югре, переместившейся за Урал в XIII–XIV вв. из района Великого Устюга [Курлаев 1997, с. 102–117].

Одним из основных путей, по которому экспедиции достигали р. Печоры и далее — Уральских гор, был водный маршрут через Пезско-Цилемский волок по р. Цильме. В конце XV в. на р. Цильме, в 20 км от впадения в нее р. Космы, была найдена медная руда. В 1491 г. по приказу Ивана III сюда была организована экспедиция для поиска и разработки медной и серебряной руды. В XVII в. к месторождениям руд на р. Цильме направили не менее 6 экспедиций. Наличие на Цильме не только меди и серебра, но и золота в медной руде подтвердил геолог А. А. Чернов в начале XX в. Другой путь к Уралу пролегал по Вычегде.

В 1617 г. Строгановский крестьянин Яков Литвинов сообщил в Москву о находке меди в берегу р. Камы у д. Григоровой. Я. Литвинов назвал три известных ему района старинных выработок: «дельвали в старину медь в Григоровском выспе Орла верст с 30...; дельвали в старину серебро в вогуличах..., а до туда, до вогулич 320 верст...; дельвали серебро в старину в Печерах, тысячи с полторы верст от Орла» [РГАДА. Ф. 365. 1618 г. № 1. Л. 12, 14, 15].

Всплеск интереса к поискам золота и серебра в России приходится на 1670-е гг. Всего в прилегающие к Уралу районы в XVII в. направили около 20 геологоразведочных экспедиций с участием иностранных пробирных мастеров. В 1663 г. в Чердыни организовали экспедицию на Северный Урал. От Чердыни маршрут проходил по одному из известных водных путей, выводящий на восточные склоны Северного Урала «за Поманенную гору, меж Вагран озером на болото». Найденная руда оказалась медной, из которой выходило из пуда 8 золотников серебра.*

Изыскания, начатые в районе Денежкина камня и озера Вагран в XVII в., нашли продолжение и в XVIII в. В 1723 г. в верховья реки Вишеры и в район озера Вагран, к старым копиям, ездили бергсоветник М. Михаэлис и горный офицер А. И. Порошин. Память о поисках серебряных руд сохранялась в народе: одно урочище называлось «серебряным рудником», а скала поблизости — «серебряным утесом».

В середине XVIII в. на Турьинских рудниках были обнаружены и промышленные залежи медной руды с содержанием серебра. Наличие серебра в черной меди Петропавловского завода (ныне г. Североуральск) показали пробы в Екатеринбургской лаборатории. Минимальное содержание серебра в черной меди, экономически выгодное для промышленного извлечения, — 7 золотников в пуде. В 1769 г. на р. Вагран объявили Верхне-Вагранский медный прииск, содержащий и серебро. Однако содержание серебра в меди оставалось крайне бедным: не более $2\frac{3}{4}$ золотника из пуда. В начале 1770-х гг. чистую медь в штыках отправляли на лигатуру в Петербургский монетный двор, и один раз 2 тыс. пудов серебристой меди с содержанием серебра в 5 золотников вывезли для очистки на Колывань.

Мы считаем доказанным существование в уральском регионе, по крайней мере, двух центров добычи полиметаллической руды в средневековье — на Цильме и в районе оз. Вагран на Северном Урале — последний мы связываем с летописным «серебром закамским». Основу руды составляла медь, а уже из нее извлекали серебро. К XVII–XVIII вв. рудники истощились, но об них еще помнили и эпизодически пытались возобновить добычу. На истощение этого источника серебра обратил внимание и Н. М. Карамзин [1998, с. 505]. Учитывая существование источника серебристой меди на Северном Урале в древности и средневековье, обращая внимание на наличие серебра в изделиях из бронзы и наоборот меди в серебре, как признака местного производства, а также изобилие серебряных изделий в средневековых культурах Приуралья.

Библиографический список

- Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1998. Кн. 2, т. 4–6.
 Курлаев Е. А. Летописная «югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ? // Урал. ист. вестн. 1997. № 4. С. 102–107.
 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
 Пономарев А., Турова Е. Серебряный след. Вятка, 2006.
 РГАДА. Ф. 365. 1618 г. № 1.

* Золотник — дOMETрическая мера веса (4,266 г).

E. A. KURLAEV

“TRANS-KAMA SILVER” AND THE ANNALISTIC UGRA

Until recently in the Russian literature on the subject, there was no mention of a commercial development of silver deposits in the Urals. Most historians shared a common opinion with regard to the “trans-Kama silver”. They agreed that it was an oriental origin silverware, because such items were frequently found in the territory of the Urals and Siberia. We believe that in antiquity and the Middle Ages a deposit of argentic copper, known as the “trans-Kama silver” was developed by Ugra and other population groups of the Northern Urals in the area of the modern Severouralsk. It was an object of wars and disputes, however, by the time of the Russian colonization it was depleted and abandoned. In the 18th century the silver content in the copper ore was reported too low for a commercial extraction, nonetheless the presence of silver in the copper ore was confirmed.

Evgeny A. Kurlaev – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: kurlaev@e1.ru

B. A. ЛАПШИН

СТАРАЯ ЛАДОГА И РУССКИЙ СЕВЕР

Роль Ладоги в освоении Севера обычно рассматривается в общем контексте новгородской колонизации. В докладе обосновывается самостоятельная роль Ладоги в колонизации Севера на раннем этапе – в IX–X вв. Только около середины XI в., когда Ладога превращается из самостоятельной политической единицы в пригород Новгорода, она участвует в освоения Русского Севера в общем процессе новгородской колонизации.

Лапшин Владимир Анатольевич – д.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru

Обычно роль Ладоги в освоении Севера рассматривается в общем контексте новгородской колонизации. Однако, еще А. Н. Насонов писал о том, что Ладога (сейчас с. Старая Ладога) сохраняла самостоятельность относительно Новгорода вплоть до середины XI в. [Насонов 1951, с. 73, 74] и, по-видимому, с ней связан первый этап колонизации, направленной на север [Насонов 1951, с. 93, 104]. Роль Ладоги в освоении Русского Севера в IX–XI вв. подчеркивают Т. А. Бернштам [1978, с. 20–25; 2009, с. 16] и А. Д. Мачинский [Мачинский, Мачинская 1988].

По данным скандинавских саг, относящимся к началу XI в., путники, двигавшиеся из Новгорода, проходили волховские пороги на речных судах, а в Ладоге пересаживались на корабли, предназначенные для морского плавания. Скальд Арнор упоминает о «русских снастях» на корабле Магнуса, сына Олафа (1035 г.) [Рыдзевская 1945, с. 63]. Именно ладожане, имевшие опыт плавания по Ладожскому озеру, могли положить начало традиции морского судоходства на Белом море и далее на восток [Бернштам 1978, с. 25]. При раскопках в Ладоге в слоях второй половины VIII–X в. найдены во вторичном использовании детали как больших дощатых судов с обшивкой в клинкер с помощью заклепок, так и небольших плоскодонных паромообразных судов с обшивкой в стык и лодок-однодревок [Сорокин 1997, с. 26, 27, 80–84; Сорокин, Рябинин 1997, с. 50], что еще раз свидетельствует о роли Ладоги, как перевалочного пункта между морскими и речными путями.